

Слово и дело в романах И.С. Тургенева

С.С. Неретина

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-83-95

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Анализ российской действительности второй половины XIX в. позволил Тургеневу провести антропологический срез общества, показав смену речевых стилей разных слоев населения внутри одного произведения. В романах доминирует идея диалога культур – очевидный диалог западноевропейской и русской культуры, и не менее очевидный диалог, разыгрывавшийся внутри расслоившейся – на дворянскую и народную, разночинную, купеческую, мещанскую – русской культуры. Знаком нового времени у Тургенева являются свободно обсуждаемые возможности решения возникших проблем, которые видятся не в рационально найденном пути их решения и не в следовании ему, а в расчете на внезапность и удачу. Однако пути решения проблем, независимо от возможностей их реализации должны обговариваться, обсуждаться и анализироваться, и таким образом романы интуитивно показывают способ рождения отсутствовавшего в то время в России парламента. В статье показана значимость рационального, философского способа рассуждения, который может стать жизненным принципом при условии соответствия слова и дела. По-своему Тургенев – через разные речевые инстанции – стратифицировал новое поколение, показав этой новой стратификацией новое обличье неустоявшейся России. Главная движущая сила многих, если не всех, романов Тургенева – свобода и рожденные ею слово и дело. Появляется прежде невиданная фигура революционера, выражающая новое отношение к социуму и власти. Современность и своевременность Тургенева состоит в фиксации такого умонастроения, при котором акцент делается на метафизическом представлении о начинании: оно есть, ему дан толчок – и при этом почти нет никакого движения, все только проектируется, только утопизируется, превращая мыслителя в лишнего человека. И хотя не только идея свободы, но и свободное состояние человека признается как исторический факт (Тургеневу импонирует эта гегелевская мысль), он подчеркивает, что российская свобода рождалась, не проснувшись.

Ключевые слова: «Дым», разночинцы, дворянство, агроном, убеждение, слово, дело, новые люди.

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.
abaelardus@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2063-062X>

Цитирование: *Неретина С.С.* (2018) Слово и дело в романах И.С. Тургенева // *Философские науки*. 2018. № 7. С. 83–95.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-83-95

Word and Deed in the Novels of I.S. Turgenev

S.S. Neretina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-83-95

Original research paper

Summary

Russian classic writer Ivan Turgenev, analyzing the Russian reality of the second half of the 19th century, presented inside one work – novel *Smoke* – an anthropological review of society, showing a change in the speech styles of different layers of the population. The novel is dominated by the idea of a dialogue of cultures – an obvious dialogue of Western European and Russian culture, and no less obvious dialogue that took place within the multitude of Russian cultures: gentry's and common people's, merchants', *raznochintsy's*, and philistines' cultures. In Turgenev's novel, the sign of a new time is freely discussed opportunities of solving the problems that have arisen, finding solutions not in a rational way but in the hope for suddenness and fortune. However, the ways of solving problems, regardless of the possibilities for their implementation, must be discussed, argued, and analyzed. Therefore, the novel intuitively shows the way of the birth of a parliament, which was absent in Russia at that time. The article demonstrates the importance of a rational, philosophical way of reasoning, which can become a life principle when words and deeds correspond with each other. Turgenev in some way – through different speech instances – stratified the new generation, showing a new face of unstable Russia. The main driving force of many, if not all, of Turgenev's novels is freedom and the words and deeds born by it. A previously unseen figure of a revolutionary appears, expressing a new attitude to society and to power. Turgenev's modernity and timeliness consists in fixing such a mentality in which the emphasis is placed on the metaphysical idea of the beginning: it exists, it receives an impetus – and there is almost no movement, everything is only projected, only utopized, turning the thinker into an odd man. And although not

only the idea of freedom, but the free state of a person is recognized as a historical fact (this Hegelian thought appeals to Turgenev), he emphasizes that Russian freedom was born without waking up.

Keywords: Smoke (novel), raznochintsy, nobility, agronomist, conviction, word, deed, new generation.

Svetlana Neretina – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Philosophical Problems of Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

abaelardus@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2063-062X>

Citation: Neretina S.S. (2018) Word and Deed in the Novels of I.S. Turgenev. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 83–95.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-83-95

Введение: типы и образы общероссийских проблем

Я не знаю, много это или мало: написать за полгода роман «Дым», опубликованный в журнале «Русский вестник» в 1867 г. Все зависит, конечно же, от таланта, от внутренней взаимной заинтересованности автора и читателя. А судя даже по отрицательным отзывам, видно, что заинтересованы были все. Роман был написан через 6 лет после освобождения крестьян, когда было много надежд на возникновение в России новых отношений, в которых будут участвовать все заинтересованные люди разных сословий. Написано человеком, знающим европейскую философию того времени (Л. Шестов даже подчеркивал: школу Гегеля), понимавшим, что образованный человек способен к анализу и размышлению, к науке логики. Означает ли это, что такому человеку надо иметь твердое мировоззрение, как считает, например, Л. Шестов? [Шестов, web] Означает, но только если «твердым мировоззрением» считать именно склонность к анализу и размышлению, основанном на разуме вкупе с ученостью, и способность критически рассматривать собственные и иные позиции, а не некий устоявшийся комплекс правил, требующий соответствующего стойкого поведения.

Каждый роман Тургенева (а их шесть: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь» [Тургенев 2017]) ставит свою собственную задачу: например, задачу соотношения принципов, ума и ощущений в «Отцах и детях» [Тургенев «Отцы и дети» 2017, 436], дела и долга в «Накануне» [Тургенев

«Накануне» 2017, 285] и др. Роман «Дым» – очевидно публицистический: здесь все проблемы как бы выставлены «на продажу». Замысел этого романа возник в связи со спорами Тургенева (1818–1883) с Герценом, Огаревым и Бакуниным в Лондоне еще в 1862 г., так что сюжет продумывался давно. Сюжет же прост: описывается общество «на водах» в Баден-Бадене, в этакой русской загранице, куда все «как тараканы лезут» [Тургенев «Дым» 2017, 498] и где побывать считалось чуть ли не признаком принадлежности к «хорошему обществу». Там смешивались представители столичной и провинциальной публики, аристократы и разночинцы, кроме, разумеется, представителей народа, за который, во имя которого и вне которого ведутся споры.

Автор описывает обывателей этого места весело-иронически, оставляя этот тон в случаях, когда представляет героев романа. Но эта ироническая веселость все же сопровождает повествование, как и сопутствующая ей тревога, происходящая от одновременного внимательного взгляда – автора, наблюдателя, читателя? Именно там оказывается молодой господин Литвинов, успевший без памяти влюбиться в молодую особу нервного склада Ирину Ратмирову, некогда бывшую его невестой и вполне сознательно предавшую его, затем выучиться в университете и сделать предложение другой милой девушке. Приехав в Баден в ожидании будущей невесты, Татьяны, Литвинов сразу попадает в нерв этого общества. Сделав его героем романа (и романа как произведения, и вновь вспыхивающего романа с замужней Ириной Ратмировой), автор аккумулирует вокруг него остальных персонажей, не покидающих его и в конце произведения, когда он возвращается домой и, приведя в порядок свои чувства после разрыва с Ириной, примиряется с Татьяной. Сюжет незамысловатый, из тех, про что иногда говорят: это мы проходили. Замысловатыми оказываются даже не переживания героя (Тургенев – мастер передавать самые тонкие нюансы внутреннего мира), а разговоры, иногда кажущиеся нарочитыми, мельком или специально брошенные фразы, размышления, больше похожие на публицистические статьи. Но в этом и суть жанра «все на продажу»!

Литературоведы видят в этих персонажах прототипы Бакунина, Огарева, Добролюбова, старых репетиловых с их «шумим, братец, шумим» (Бамбаев), новых аналитиков (Потугин), спокойных и рассудительных, как и полагается аналитикам; всех их оттеняет прекрасно выписанная *среда*, в основном дворянско-купечески-

интеллигентская (прежде всего, олицетворенная Литвиновым, генералами-аристократами и их женами, своего рода ворошиловыми, губаревыми, матренами суханчиковыми и пр.), в которой много говорят, много или мало делают, занимаются «созданием репутаций», т.е. сплетнями. Но дело не в типах и прототипах, хотя ясно, что Тургенев как активный человек проводит или пытается свести к какому-то знаменателю споры о том, что делать современной ему России. Дело в открывшихся, новых для пореформенной России, видах, в открывшейся свободе решения возникших проблем, о которых люди и говорят свободно. Одно это – знак нового, не говоря уже о том, что со всей очевидностью в этом романе, как и в других, доминирует идея диалога, *«те же и Софья»*, как говорил В.С. Библер, а именно: диалог культур, в данном случае очевидный диалог западноевропейской и русской культуры, но и диалог, разыгрывавшийся внутри расслоившейся – на дворянскую и народную, разночинную, купеческую, мещанскую культуры, в которых в разных ракурсах оказываются одни и те же люди (скажем, по сословной принадлежности – дворяне, по мироощущению – мещане, Литвинов по происхождению – из купцов и дворян). Более того, у Тургенева и другое существенно: наговорившись, обговорив, обсудив, проанализировав открывшееся необъятное поле зрения, без чего немислим *парламент*, которого пока нет, люди начали вести разностороннюю жизнь: кто начинает заниматься делом, как Литвинов, кто, перестав или устав рассуждать, воротился к помещичьему образу жизни, с тем большим неуважением относясь к освобожденному народу, с чем большим пафосом говорил о нем прежде (и таких оказалось большинство), кто продолжал болтать, пренебрежительно относясь ко всем без разбору. Некоторым образом – через разные речевые инстанции – Тургенев стратифицировал новое поколение, показав этой новой стратификацией новое обличье неустоявшейся России, нарочито называющейся Русью. «Если б еще... две, три головы завелись на Руси... Экая эта Русь! Посмотри хоть на эту пару гусей: ведь в целой Европе ничего нет подобного» [Тургенев «Дым» 2017, 498, 618]. Это сказал один из репетиловых – Бамбаев. Но вот Литвинов: возобновил фабрику, завел крошечную ферму с пятью вольнонаемными работниками... Если вспомнить другие романы, например, «Рудина» (все тургеневские романы связаны между собой темой возникающего нового социального слоя, заботящегося о будущем России)

или «Новь» [Тургенев «Новь» 2017], то в них упоминается, что одни персонажи, такие, как Александра Павловна Волынцева, строят больницу, помогают страждущим, другие участвуют в земской деятельности, т.е. заняты тем, что называется «малыми делами».

Новый человек: средоточие свободы и умения

В 1980-е гг. историк М. Я. Гефтер, осиливший написать – через записки, через магнитофонные записи, вынуждаемый к собеседованию учениками, – свою философию истории, взял в качестве эпиграфа к статье «История – позади? Историк – человек лишний?» слова Г. К. Честертона: «Маленькая мирная Троя могла веками стоять безымянной. Сломленная Троя погибла, и миг ее гибели остался жить навеки. Пламя разрушило ее, *а пламя не сожжешь*» (курсив мой. – С. Н.). Что-то остается от сожженного, что крепче сохраняется в памяти, чем сама целая вещь» [Гефтер 1996, 9]. Гефтер, конечно, читал «Рудина», но вспоминал явно не его. Между тем, видимо, некий смутный вербальный образ, оставленный Тургеневым, застрял в его памяти: упомянутая Александра Павловна, разговарившись со своим будущим мужем, Михаилом Михайловичем Лежнёвым, про больницы и благотворительность и получив от него комплимент, вдруг засмеялась над его холодным и вялым выражением лица в то время, когда он делал ей этот комплимент. Тот ответил: «Вам всё *огня* нужно; *а огонь* никуда не *годится*. Вспыхнет, надымит и погаснет... И *обожжет*» (курсив мой. – С. Н.) [Тургенев «Рудин» 2017, 498].

Перекличка эпох знаменательна. Нынешний историк Франции, Англии или Германии XIX в. может пожать плечами: все эти земства, больницы – крохи сравнительно с крупными промышленно-развитыми странами того времени. Разумеется, это крохи, но это – начало. Гораздо страшнее то, что это начало – и нам это известно – так и остается началом, и сейчас видно то же отставание, ту же болтовню и то же чванство гусями. Тургенев и сейчас остается абсолютно современным писателем, и если созданную им картину России и можно назвать, как это сделал Л. Шестов, «рабством мировоззрения», то это метафизическое, вневременное рабство, которое, несмотря на идею свободы, связанной с начинанием, можно назвать рабством начала. Оно есть, ему дан толчок – и при этом почти нет никакого движения, все только проектируется, только утопизируется. Этого не может быть, но именно это и есть. Однако и Гефтер писал, что, к его сожалению,

нынешняя история переходит в утопию, а потому историк, как герои Тургенева, человек лишний. Но у Тургенева эта затхлость начала только зарождалась.

И все-таки как же быть с идеей свободы, которую Гегель рассматривал как «исторический факт»? Поскольку мышление лежит в основании мира, то разум, который «господствует в мире», становится свободным «мыслящим разумом» [Гегель 1935, 66]. Это «свободно определяющее само себя мышление» [Гегель 1935, 13], которое «рождается (а не просыпается)» в предметно-практической деятельности общественного человека [Ильенков 1977]. Разум сам по себе неопределен, как провидение и свобода [Гегель 1935, 16, 19]. Свободное состояние признается как исторический факт, хотя «трудно было бы представить доказательства того, что такое состояние встречается в настоящее время или что оно где-либо существовало в прошлом» [Гегель 1935, 39]. Так вот, российская свобода рождалась, не проснувшись – вот о чем роман Тургенева, таким именно образом понявшего Гегеля.

Главная движущая сила многих, если не всех, романов Тургенева – свобода и рожденные ею слово и дело. Появляется прежде невиданная фигура революционера, выражающая новое отношение к социуму и к власти. Погибающий на баррикадах 1848 г. Рудин, готовящийся к борьбе Инсаров. Тургенев пытался понять новую Россию: естествоиспытателя Базарова, пытающегося ввести аграрные новшества в земледелие, машины, технологии (Россия – аграрная страна) Литвинова. Сама попытка разглядеть нового человека, проанализировать атмосферу, в которой он оказался, вызывает к выставлению себя наружу, чтобы ее легче было разглядеть. И это происходит, правда, чуть раньше, в романе «Рудин».

Философия как обоснование дела словом

Действие этого романа начинается с рождающегося вкуса к спорам, меняющим умозрение людей, даже если сами спорщики об этом не задумываются. Знавший Гегеля и учившийся у него Тургенев напоминает – устами Рудина – о том, как важно не «сорить» словами, а мыслить логически правильно. Он и начинает с фиксации парадокса.

Как это обычно бывает в романах Тургенева, в гостиной одной просвещенной дамы говорили о том, о сем, в частности о новом знакомом, который, как говорят, «великий философ: так Гегелем и брыжжет...»

«Философия, – продолжал Пигасов, – высшая точка зрения. Вот еще смерть моя – эти высшие точки зрения. И что можно увидеть сверху? Небось, коли захочешь лошадь купить, не с каланчи на нее смотреть станешь» [Тургенев «Рудин» 2017, 26].

Гости, перекидываясь словами, гуляли, затем сели за стол, пришел Рудин, принеший статью некоего барона об отношениях торговли и промышленности и разговор завязался снова – о соотношении в статье общих рассуждений и фактов. Пигасов, не читавший статьи (и тем самым напоминая тех, чьи слова стали символом эпохи: «Я книги не читал, но...»), произнес, что «все эти так называемые общие рассуждения, гипотезы там, системы... никуда не годятся. Это все одно умствование... Передавайте, господа, факты, и будет с вас» [Тургенев «Рудин» 2017, 30]. Пигасов словно слышит позитивистские призывы: «Факты, факты. Ничего, кроме фактов!»

Тем самым уже обозначена проблема, ибо, как оказывается, он не знает, что такое факт, ссылаясь лишь на то, что «факты – дело известное, всякий знает, что такое факты» [Тургенев «Рудин» 2017, 31]. Однако он дает интуитивное их понимание: «Я сужу о них по опыту, по собственному чувству» [Тургенев «Рудин» 2017, 31].

Можно было бы проделать опыт: не называя ничьих фамилий, но озвучив проблему, обнаружить ее как нынешнюю и злободневную, сию минуту возникшую, как и следовавшие возражения, явно выходящие за рамки романа.

«Ну, а смысл фактов передавать следует?» Не отвечая на прямо поставленный вопрос, зачинщик спора потрясает в воздухе кулаком: «Общие рассуждения!.. Все это основано на так называемых убеждениях». В очередной раз Тургенев опровергает обвинение, выдвинутое против него Шестовым, который упрекал его в «мировоззрении», т.е. в навязывании некой позиции, применяя при этом простейший прием формальной логики. «Прекрасно... стало быть... убеждений нет? – Нет – и не существует. – Это ваше убеждение? – Да. – Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно, на первый случай» [Тургенев «Рудин» 2017, 30].

И далее весь роман Тургенев посвящает тому, что, если убеждением считать только логическое плетение словес, то вряд ли это стоит считать убеждением, ибо убеждение – то, что должно сопровождаться делом, или, как говорит оппонент Рудина, фактами. Убеждение имеет смысл: 1) если находится некто, кто, поверив словам, претворит их в дела, или 2) если в дела претворяет их сам

выражающий убеждения. В романе первому смыслу отвечает – не случайно – учитель барица, второму – сам их выразитель, Рудин, в эпилоге, который не случаен именно как эпилог. Ибо эпилог – не обязательная часть произведения. Произведение («Рудин») могло закончиться выражением своеобразной национальной, в данном случае российской философии, смысл которой в апофеозе слова, которое само по себе, как таковое, является семенем (им является звук речи), обладающим возможностью сформировать человека. «Один фальшивый звук в речи – и вся ее гармония для нас исчезла» [Тургенев «Рудин» 2017, 93]. Так рассуждает другой его герой Лежнёв. По тому, как он рассуждает (взгляды его трудно отождествить с тургеневскими, но, как показала последующая история России, их можно связать с взглядами определенной части интеллигенции), человек (имеется в виду русский человек) изначально обладает только возможностями. В этом смысле человек – ребенок, независимо от возраста (см. сказанное выше о начале). Он может оставаться таковым всю жизнь, если не обладает тем, что Тургенев называет «натурой» и «кровью» [Тургенев «Рудин» 2017, 92, 93].

Таким образом, Тургенев доводит до апофеоза (если применять к нему это слово) не беспочвенность, а самую что ни есть почву, которая проявится в философии и практике весьма изобильно спустя чуть более полвека, и жесткий национализм. Он как бы предупреждает о такой возможности. «Не от философии наши главные невзгоды! – резюмирует Лежнёв. – Философические хитросплетения и бредни никогда не привьются к русскому: на это у него слишком много здравого смысла; но нельзя же допустить, чтобы под именем философии нападали на всякое честное стремление к истине и к сознанию. Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье» [Тургенев «Рудин» 2017, 93]. Что значит – знать или не знать России? Прежде всего, надо знать, что «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись». Это одно из оснований – считать, что мысли Лежнёва – не мысли Тургенева. Лежнёв продолжает: «Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля, вне народности, ни художества, ни истины, ни жизни ничего нет» [Тургенев «Рудин» 2017, 93].

О том, что в основу философии Лежнёв положил речь, даже звук речи, здесь уже не говорится. Дело идет о некоей лишен-

ной философии зрелости с другими невнятно выраженными стремлениями и об апофеозе жизни в 20 лет, т.е. о той самой ребячливости и начале, которое остается началом, ни на йоту не продвинувшись вперед.

В.В. Бибихин писал, что Россия все время находится в стадии Возрождения...

Но что же привлекает Лежнёва в начале? Это, во-первых, «одно из коренных свойств человеческого ума» – «стремление к отысканию общих *начал*». Рудин, произнесший эти слова, произнес также и то, что в них слишком мало оригинального. Я позволила бы себе с этим не согласиться потому, что, несмотря на то, что в них действительно мало оригинального, эти слова повторяются с маниакальным усердием до сих пор именно потому, что оригинальность их – в ускользании. Они не позволяют себя обнаружить и при условии, что за ними есть продолжительная история, в которой всегда, несмотря на это, есть нечто, уходящее от внимания, и тем более, если, кроме начал, нет ничего. Нет, как говорил Лежнёв, природы, но есть одни только сила и энтузиазм.

Конечно, образованность Тургенева несомненна, образованность, замешанная на остром мышлении, в котором нет места общим местам. Напротив, он подчеркивает эти общие места, перестающие в постоянном употреблении быть общими.

Только лишь за словами «сила и энтузиазм» стоит огромная философская традиция. Еще Платон (см. «Софист») определял бытие через идею дюнамис-силы. Энтузиазму посвящен диалог Дж. Бруно «О героическом энтузиазме», Кант писал о нем в «Споре факультетов» (то, что Тургенев знал *системность* Канта и Гегеля, спору нет – о том весь роман) и как раз по связи с французской революцией, правда, не конца XVIII в., а 1848 г., на баррикадах которой пал Рудин, энтузиаст, сначала просто нечто проповедовавший, а потом, опомнившись, совершивший поступки, соответствующие словам.

Эпилог: энтузиазм как утрата разумности

Можно было обойтись без эпилога в «Рудине», но оказалось, что можно показать и один из возможных выходов не только для людей, риторически активных, но и для энтузиастов, обретших почву, но смысл деятельности которых утратил связь с разумом. Ибо ускользающий от определения энтузиазм закрепляется в памяти как несжигаемое пламя. Это поэтическое (от начала, от

поэтики) вдохновение, т.е. энтузиазм, связано с определением или начертанием пути для достижения важной цели, исключающей собственную выгоду. Принцип энтузиазма, свидетельствующий, по Канту, о существовании «морального начала в человечестве» [Кант 1994, 102], – не менее важен для понимания философских целей романа и необходимости эпилога как внеположного всему роману. Ибо эпилог, в котором Рудин, как бы не сам (он – не он, а некий *le Polonais*), погибает на баррикадах в Париже во время революции 1848 г., – показывает обретение энтузиастом некоего идеального всеобщего, почитателем которого и был Рудин.

Но этот идеалистический энтузиазм вместе с тем уводит его от того, что Лежнёв назвал «философскими хитросплетениями и бреднями», в некое провиденциальное поле, о котором впоследствии будет говорить Шестов и в котором с XVIII в. активно использовалось энтузиастическое состояние. В романе «Дым» несколько раз упоминалось имя Юма. Как можно понять из контекста, имелся в виду известный в то время спирит Д. Юм. Тургенев, правда, нигде не говорит, какого Юма он имеет в виду. Если взять более глубокий контекст и общеполитические размышления Тургенева, то не исключено, что имеется в виду отсылка к эссе философа Д. Юма «О суеверии и энтузиазме» (1741), где тот пишет о том, что энтузиазм – плод самоуверенности и самонадеянности, позволяющих якобы приблизиться к Богу без какого-либо посредничества. Это эмоциональное состояние, не соотносимое с Разумом и относящееся к сфере *воображения*, считает ошибкой также и Кант. Как сказал Лежнёв в «Рудине», «у мысли тоже есть свои инвалиды», а Рудин продолжил, что он испортил свою жизнь потому, что «не служил мысли, как следует».

Собственно, это лейтмотив романов Тургенева: служить мысли, как следует. Люди, как правило, этого не могут: при понимании у них нет сил *действовать*, ибо нет мужества ни мыслить (Кант), ни идти за мыслью туда, куда бы она ни привела. А в противном случае любое рассуждение становится лишь игрой.

«“Дым, дым”, – повторил он [Литвинов] несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь – всё людское, особенно всё русское. Всё дым и пар, думал он; всё как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности всё то же

да то же; всё торопится, спешит куда-то – и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и – ненужная игра... дым, шептал он, дым; вспоминались горячие споры, толки и крики у Губарева, у других, высоко- и низкопоставленных, передовых и отсталых, старых и молодых людей... Дым, повторял он, дым и пар» [Тургенев «Дым» 2017, 612].

Это реально стихотворение в прозе. Таким поэтическим резюме Тургенев дает диагноз нашей современности, вставая в число первых мыслителей XXI в. Смысл такого диагноза – не в акценте на бесплодность мысли, если она не соответствует делу, не в отсутствии желанного дела или в отсутствии самого дела. Все это так, ибо при заброшенности дела слова становятся никчемными, сиротливыми – «дымом»... Но несомненно и то, что эта дымная весть есть, как говорил Библихин, «такость мира», позволяющая вынести этот мир, понять неповторимость того события, которое можно осмыслить только выговорив его и только тем самым что-то сделав – показав и обнажив эту «такость», расчистив вещи для понимания и удержания.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гегель 1935 – *Гегель*. Философия истории / пер. А.М. Водена // *Гегель*. Соч. Т. VIII. – М.; Л., 1935.

Гефтер 1996 – *Гефтер М.Я.* История – позади? Историк – человек лишний? // *Аутсайдер – человек вопроса*. Век XX и мир. 1996. № 1.

Ильенков 1977 – *Ильенков Э.В.* Мышление и язык // *Вопросы философии*. 1977. № 6. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4218701/>

Кант 1994 – *Кант И.* Спор факультетов // *Кант И.* Соч. В 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994.

Тургенев «Дым» 2017 – *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание романов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017.

Тургенев «Накануне» 2017 – *Тургенев И.С.* Накануне // *Тургенев И.С.* Полное собрание романов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017.

Тургенев «Новь» 2017 – *Тургенев И.С.* Новь // *Тургенев И.С.* Полное собрание романов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017.

Тургенев «Отцы и дети» 2017 – *Тургенев И.С.* Отцы и дети // *Тургенев И.С.* Полное собрание романов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017.

Тургенев «Рудин» 2017 – Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полное собрание романов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017.

Шестов, web – Шестов Л. Тургенев, Апостол беспричинности. – URL: http://az.lib.ru/s/shestow_1_i/text_1903_turgenev.shtml

REFERENCES

Geft M.Ya. (1996) Is History Behind? Is Historian a Superfluous Man? *Autsajder – Chelovek Voprosa. Vek XX i mir*. 1996. No. 1 (in Russian).

Hegel G. (1935). *Philosophy of History* (Russian translation in: Hegel G. *Works*. Vol. 8. Moscow; Leningrad, 1935).

Ilyenkov E.V. (1977) Thinking and Language. *Voprosy filosofii*. 1977. No. 6 (in Russian).

Kant I. (1994) *The Conflict of the Faculties* (Russian translation in: Kant I. *Works in 8 volumes*. Vol. 7. Moscow: Choro, 1994).

Shestov L. (n.d.) *Turgenev, an Apotheosis of Groundlessness*. Available at: http://az.lib.ru/s/shestow_1_i/text_1903_turgenev.shtml (in Russian).

Turgenev I.S. (2017a) Rudin. In: Turgenev I.S. *Collection of Novels in One Volume*. Moscow: Alfa-kniga (in Russian).

Turgenev I.S. (2017b) Smoke. In: Turgenev I.S. *Collection of Novels in One Volume*. Moscow: Alfa-kniga (in Russian).